

ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

СЛОВО
ПРЕДЛОЖЕНИЕ
ТЕКСТ

*Сборник статей в честь
Е. В. Падучевой*

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

СВЯЗЬ МЕЖДУ ФОРМОЙ И СЕМАНТИКОЙ ПЕРФЕКТА: ОДНА НЕИЗУЧЕННАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ

Д. В. Сичинава

В статье исследуется корреляция между формой и семантикой глагольных показателей, находящихся на хорошо типологически известном пути развития «результатив — перфект — претерит». На материале ряда языков Евразии показано, что сосуществование двух параллельных конструкций, восходящих к двум диатезным типам результатива (в контекстах вроде *он ушедши* и *он открывши дверь*), оказывается неустойчивым, если соответствующий показатель сохраняет перфектное значение (в таком случае форма обобщается либо выходит из употребления), и, напротив, вполне устойчиво, если перфект приобретает значение претерита; можно выделить, таким образом, типологическую импликацию. Приводятся аргументы в пользу типологического (а не ареального или генетического) статуса такого явления.

Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?

Пример, на котором мы с Еленой Викторовной неоднократно обсуждали русский перфект и перфект вообще

Что значит для лингвиста работать рядом с Еленой Викторовной Падучевой, обсуждать с ней самые разные вопросы, связанные с языком, да и не только их, — так просто не скажешь, для этого мало любой возможной благодарности и Елене Викторовне, и судьбе. Перфект — область грамматической типологии, которой я занимался меньше, чем показателями плюсквамперфекта и неактуального прошедшего. В этой области для меня всегда были очень важны советы и предложения Елены Викторовны, которая как раз всегда проявляла огромный интерес именно к этой теме и несколько раз приглашала меня обсудить разные вопросы, связанные с нею. Я хочу подарить Елене Викторовне, в составе её юбилейного сборника, статью об одной, на мой взгляд, таинственной и захватывающе интересной, но малоизученной проблеме, связанной с формой и эволюцией перфекта.

1. Вводные замечания

В целом ряде языков Центральной Европы представлен феномен лексикализованного «выбора вспомогательного глагола» (auxiliary selection) при образовании аналитического перфекта¹: одни глаголы спрягаются с вспомогательным ‘быть’, другие с ‘иметь’. Исторически это явление продолжает результатив и различные «диатезные типы» результатива, «объектного»/ «посессивного» (типа *я имею написанное письмо*) и «субъектного» (типа *я проснувшись*) по [Недялков (ред.) 1983]². В свою очередь, эта форма (если угодно, пара форм) на более позднем — ныне наблюдаемом — этапе развития указанных языков приобретает значение перфективного прошедшего, называемого также «аористом» (или, в языках без аспектуального противопоставления, просто показателя прошедшего времени — «претерита»). Так, во французском языке это глаголы, спрягающиеся с *avoir* (*j'ai vu* ‘я видел’) и с *être* (*je suis venu* ‘я пришел’), в немецком — с *haben* и *sein* (*ich habe gesehen* и *ich bin gekommen* соответственно). Обе эти конструкции, некогда имевшие перфектное значение, теперь означают просто действие в прошедшем (во французском, где есть вид — в прошедшем совершенного вида), без упора на его прагматическую актуальность (т. е. их семантическое противопоставление устаревающим формам простого прошедшего — *je vis, je vins, ich sah, ich kam* — стерлось). Такое семантическое изменение (не зависящее от формы) — типологически хорошо знакомая диахроническая схема развития «результатив → перфект → претерит» (в общем известная со времен Бенвениста и Куриловича; наиболее подробные изложения см. [Маслов 1983; Bybee et al. 1994]). Таким образом, явление, о котором сейчас пойдет речь, в той или иной мере свойственно истории целых трех сменяющих друг друга типов грамматических показателей, а именно, результатива, перфекта и перфектива/ претерита; ключевую роль в данном сюжете, как будет видно из дальнейшего, играет все-таки перфект.

Проблеме auxiliary selection в последнее время посвящено большое количество работ — это важная тема в связи с так называемой синтаксической

¹ А также форм (обычного) плюсквамперфекта и предбудущего (futurum exactum). Выбор вспомогательного глагола при образовании так называемого сверхсложного плюсквамперфекта, если он имеется в глагольной системе, зависит от выбора глагола в перфекте не столь прямолинейно (см. об этой форме и об этой её особенности, в частности, в [Петрухин, Сичинава 2006]).

² Под *перфектом* мы подразумеваем, в русле традиции грамматической типологии последних тридцати лет, форму со значением ‘прагматически актуальное событие в прошлом’ (current relevance), под *результативом* — форму со значением ‘материальный результат события налицо в момент речи’. Перфект может при этом выражать и результативное значение (но не наоборот).

«неаккузативностью», разрабатываемой в рамках порождающей лингвистики (разбор некоторых из этих работ, без претензии на полноту, см. в последующих разделах; здесь сразу укажем на наиболее развернутую статью [Sorace 2000]). Но в данной работе нас более занимает другое явление: оказывается, что ареал языков, в которых до сего времени сохраняется дополнительное распределение вспомогательных глаголов, замечательным образом коррелирует с центральноевропейским ареалом языков, утративших или утрачивающих перфект как самостоятельную категорию (см. описания и карты ареалов [Abraham 1999: 15; Thieroff 2000]; сами авторы цитируемых работ как будто бы не делают этого вывода).

С другой стороны, в ряде языков Европы у перфекта есть только одна конструкция — со вспомогательным глаголом ‘быть’ (как в большинстве славянских языков) или ‘иметь’ (как в германских языках северной Европы или в романских — южной, или в греческом). Если для греческого, славянских и финно-угорских языков с ‘быть’-перфектом такая конструкция изначально была единственной, то для романских и германских языков севера и юга Европы, как хорошо известно историкам языка, исходной была ситуация, вполне аналогичная той, которая наблюдается в центральной Европе: у одних глаголов использовалась конструкция ‘быть’, у других ‘иметь’, и в дальнейшем второй (реже, как в некоторых итальянских диалектах, первый) глагол обобщился на все случаи.

Ареал, в котором две конструкции с течением времени обобщились (то есть без восточноевропейских языков: только германский север плюс романский юг Европы), в свою очередь коррелирует — как опять же ранее, кажется, эксплицитно не отмечалось — с ареалом сохранения перфектного значения (иными словами, системного противопоставления перфекта и простого прошедшего), так называемым «приморским перфектом Европы», по словам Тироффа [ibid.]. Например, по-испански формы *he visto* ‘я видел’ и *he venido* ‘я пришел’, по-английски *I have seen* и *I have come*, с одинаковым вспомогательным глаголом, имеют перфектное значение и противопоставлены формам простого прошедшего (*vi, vine, I saw, I came*). Обсуждаемые пары ареалов, грубо говоря, друг другу дополнительные, но нельзя говорить о том, что перед нами просто два инновационных процесса, идущих рука об руку. Ведь исходное структурное и семантическое состояние везде было одинаковым, однако одна инновация (в семантике) произошла в центре (как это часто бывает), а другая (в структуре) — наоборот, на географически разорванной периферии. В центральном и периферийном ареале в результате сохранилось по одному старому признаку, но по одному признаку и поменялось.

Встают вопросы: каковы подробности этих явлений синхронно и диахронически, насколько четко такое разграничение? Независимы ли они, случай-

но ли такое совпадение? Носят ли они ареальный характер, или же у них есть типологические параллели за пределами Европы? Может быть, проблема даже генетическая — ведь речь пока шла только о двух группах одной индоевропейской семьи? Чем можно объяснить вырисовывающуюся картину?

2. Дополнительное распределение по лексико-семантическим типам

2.1. Центральноевропейский ареал

В европейских языках отмечена «высокая частотность... перфектов типа *habeo*, то есть образованных из конструкции с участием переходного глагола обладания. Данный тип практически не засвидетельствован за пределами Европы» [Dahl 2000: 21].

Исторически перфекты с глаголами 'быть' и 'иметь' (в иберо-романских языках — также 'держат') восходят к конкурирующим в поздней латыни и в германских языках того же или несколько более позднего периода (древневерхненемецком и древнеисландском) результативным конструкциям; см., например, [Недялков, Яхонтов 1983]. Уже на этом этапе произошло резкое ограничение пространства возможностей выбора среди возможных вспомогательных глаголов: по мере грамматикализации перфекта значительное количество глаголов, ранее выступавших в роли показателей результативного значения, «отсеялись».

В процессе превращения в перфект романская результативная конструкция претерпела следующие формальные изменения: «а) совпадение подлежащего спрягаемого глагола и подлежащего перфектного причастия... стало обязательным; б) перфектное причастие стало частью глагола и проявило тенденцию к утрате согласования в роде и числе с прямым дополнением, в то время как порядок спрягаемого глагола и перфектного причастия все сильнее закреплялся и вводились сильные ограничения на тип синтаксических составляющих, которые могли вклиниваться между тем и другим; в) наконец, спрягаемый глагол утратил лексическое значение и стал настоящим вспомогательным глаголом» [Squartini, Bertinetto 2000: 405]. То же отмечается и в скандинавских языках: «Поскольку причастие превратилось в составную часть сложной глагольной формы, это согласование становилось излишним и причастие все чаще принимало несогласуемую форму среднего рода, т. е. становилось тем, что в скандинавских языках называется „супином“... в шведском языке причастие второе и формально дифференцировалось от супина» [Стеблин-Каменский 1953: 229].

«В конструкциях этого типа довольно рано развивается акциональное значение; согласование причастия с дополнением, а затем и само дополнение

перестает быть необходимым; позже в составе конструкции становятся возможными причастия неопределенных и образуемые *ad hoc* причастия интранзитивных глаголов. В ряде языков — французском, итальянском, немецком, голландском, датском, норвежском — посессивный тип сосуществует с „бытийным“ (со всп. гл. „быть“), в других — испанском, португальском, румынском, английском, шведском — он становится со временем единственной регулярной разновидностью перфекта» [Маслов 1983: 48].

Наиболее яркая черта европейских результативных конструкций на стадии их превращения в перфектные — и позже, в ходе их истории уже как перфекта — установление параллелизма между перфектными конструкциями с ‘иметь’ и ‘быть’ и определение четких классов глаголов, образующих перфект при помощи того или иного вспомогательного глагола. Тем самым создается дополнительное распределение «посессивного» и «результативного» типов. Это отмечено, в частности, Э. Бенвенистом [1960/1974: 216—217]: «В тех языках, которые используют в качестве вспомогательных глаголов одновременно и „иметь“ и „быть“, параллелизм их употребления является фактом огромной важности... Нет никакой необходимости в существовании двух вспомогательных глаголов, в языках может существовать и один вспомогательный глагол. Но даже там, где используются два вспомогательных глагола, нагрузка между ними может распределяться очень неравномерно, как, например, во французском языке, где *être* употребляется лишь с десятком глаголов, а *avoir* — со всеми остальными. Поэтому, рассматривая языки, в которых глагол образует свои формы с помощью вспомогательного глагола — „иметь“ или „быть“, в разных случаях по-разному, — следует остановиться на конвергенции „иметь“ и „быть“ при образовании перфекта». Как увидим, «конвергенция», отмеченная Бенвенистом, в части языков находит отражение не только в системном параллелизме конструкций, но и в объединении их в универсальный показатель выражения перфектного значения.

Как правило, глагол ‘быть’ используется при образовании перфекта (а также плюсквамперфекта и предбудущего; далее это специально не оговаривается) от части непереходных глаголов; глагол ‘иметь’ выступает в перфекте остальных непереходных глаголов и всех переходных (хотя в этом последнем пункте имеются примечательные исключения, о которых ниже). Детали указанного соотношения варьируют в зависимости от конкретного языка.

К современным европейским языкам с лексически обусловленным выбором вспомогательного глагола относятся следующие: итальянский (литературный и северные говоры), французский, немецкий (включая сюда и южно-немецкие, и швейцарско-немецкий диалект), ретороманский, нидерландский, идиш. Особый случай с кашубским языком будет разобран в конце раздела; в датском языке, с нашей точки зрения, система выбора вспомогательного гла-

гола уже находится в стадии разрушения; данный случай будет разобран в следующем разделе.

Существует ряд работ, посвященных определению семантических и синтаксических условий, определяющих выбор вспомогательного глагола в том или ином конкретном языке. Практически во всех европейских языках, где представлен такой выбор, граница между 'быть' и 'иметь' проходит внутри множества переходных глаголов; впрочем, имеются языки (нидерландский, немецкий), где некоторые переходные глаголы также используют конструкцию с 'быть'. В литературе, посвященной проблеме четкого определения этой границы, конкурируют два подхода: семантический и синтаксический.

В работах приверженцев синтаксического подхода используются введенные Д. Перлмуттером [Perlmutter 1978] в рамках генеративистской синтаксической теории «реляционной грамматики» (Relational Grammar) термины «неэргативность» и «неаккузативность». Эти термины указывают на некоторый «пучок» синтаксических свойств определенных классов переходных глаголов. В общих чертах, «субъект неаккузативных глаголов ведет себя, как прямой объект переходных глаголов, в то время как субъект неэргативных глаголов ведет себя как субъект переходных» [Keller, Sorace 2003: 57]; с формально-описательной стороны из этого следует, что так называемый «внешний субъект» неаккузативного глагола на более глубинном уровне является объектом. Соответствующие диагностические контексты, вообще говоря, различны в разных языках (их исчислению посвящена работа [Levin, Rappaport Novav 1995]). В частности, в языках с безличным пассивом неаккузативные глаголы не могут подвергаться этой трансформации.

Как в статьях, специально посвященных проблематике выбора вспомогательного глагола [Burzio 1981; 1986; Hoekstra 1998; Sorace 2000; Bentley, Euythorsson 2004], так и, например, в упоминавшейся обобщающей монографии о понятии «неаккузативности» [Levin, Rappaport Novav 1995], утверждается, что в европейских языках (по крайней мере, некоторых) данные понятия коррелируют, а именно: синтаксически «неаккузативные» глаголы употребляются с вспомогательным переходным 'быть', а синтаксически «неэргативные» — с вспомогательным переходным 'иметь'. Ближе всего к идеалу этого соответствия считается положение дел в литературном итальянском (начиная уже с работ Бурцио, выполненных в рамках генеративной теории управления и связывания и восходящих к защищенной в MIT диссертации); ср. в [Squartini, Bertinetto 2000: 428]: «особо интересен случай итальянского языка, в котором *esse* употребляется только с неаккузативными глаголами» (примеры из [Burzio 1986]):

No comprato un libro (переходный)

‘Я купил книгу’

Giovanni ha telefonato («неэргативный»)

‘Джованни позвонил’

Giovanni è caduto («неаккузативный»)

‘Джованни упал’

Il figlio è amato dalla madre (пассив)

‘Сын любим матерью’

Однако материал конкретных языков (в том числе и итальянского в его истории [Cennamo 2002], и особенно в современных диалектах [Tuttle 1986]) сплошь и рядом обнаруживает отклонение от этого принципа, что вынуждает исследователей модифицировать самый принцип; собственно, в свете идеи «расщепления» класса непереходных глаголов по признаку «неаккузативности» требует какого-то объяснения хотя бы уже существование в нидерландском или немецком переходных глаголов, допускающих конструкцию с «быть». В работах [Sorace 2000; Keller, Sorace 2003] в связи с наблюдаемой картиной распределения вспомогательных глаголов в Европе предлагается более гибкая «иерархия аспектуальных/тематических типов глагола», от которой зависит auxiliary selection, однако от корректировки «гипотезы неаккузативности» Перлмуттера самой по себе авторы воздерживаются, считая необходимым исследовать зависимость от иерархий других критериев неаккузативности [Sorace 2000: 841]. В работе [Bentley, Eythorsson 2004] утверждается, что «неаккузативность определяется некоторым семантическим понятием, которое содержит центр и периферию» — соответственно, различные языки по-разному трактуют эту периферию и относят конкретные глаголы к тому или иному классу. Корреляция семантических параметров с синтаксическими свойствами имеется, но определение самих этих свойств во многом зависит от наблюдаемой стратегии выбора глагола, что создает очевидный логический круг; кроме того, последовательный «пучок» этих параметров выделяется не всегда.

Наряду с этим подходом, существует и иной, ориентированный прежде всего на лексическую семантику (и опирающийся, в частности, на традиции описательных грамматик, что с полемической точки зрения подчеркнуто, например, в [Hoekstra 1998]); он принят в работах [Van Valin 1990; Dowty 1991; Zaenen 1993; Lieber, Waayen 1997; Diedrichsen 2002; Aranovich 2003; Washio 2004]. Данные авторы подчеркивают непоследовательность соответствия данного параметра (может быть, кроме как в итальянском языке) синтаксическим критериям «неаккузативности»: например, в [Aranovich 2003: 29] указа-

но, что вопреки системе допущений, принятой при синтаксическом подходе, возвратные глаголы в староиспанском языке не демонстрируют аналогии с «неаккузативными» невозвратными глаголами (т. е. не образуют перфект только при помощи глагола ‘быть’, как в итальянском и французском), но могут присоединять, в зависимости от семантических критериев, оба вспомогательных глагола. Ровно тот же вывод (но на материале современного датского) делается в [Bergeton 2004]: здесь вообще все возвратные глаголы образуют перфект при помощи глагола ‘иметь’ (как и в нидерландском и немецком: [Keller, Sorace 2003: 68]), так что «несомненно, различия между германскими и романскими языками показывают, что выбор вспомогательного глагола не может использоваться как типологически надежный тест неаккузативности» [Bergeton 2004: 253]³. Указывается, разумеется, и на «неудобный» для гипотезы о неаккузативности факт существования переходных глаголов со вспомогательным ‘быть’ [Washio 2004]. Более перспективным этой группой авторов считается описание данного распределения с опорой на семантическую и аспектуальную характеристику конкретных предикатов; релевантные параметры для каждого языка могут иметь специфический характер.

В этой связи необходимо отметить, что и для ряда других явлений (в том числе и синтаксических), нередко связываемых в различных языках с «неаккузативностью», отмечалось отсутствие корреляции с другими предлагаемыми критериями. Критике пяти различных параметров, связываемых с «неаккузативностью» в английском языке (для которого на современном этапе проблема выбора вспомогательного глагола не актуальна), посвящена монография [Kuno, Takami 2004]; с точки зрения авторов, ни одно из этих явлений в терминах неаккузативности не может быть описано. Ю. Л. Кузнецова [Kuznetsova 2005] показывает отсутствие такой корреляции для русских дистрибутивных конструкций с предлогом *по*. Относительно таких диагностических признаков, как безличная пассивизация, отмечалось, что «эти конструкции могут допускать как неаккузативные, так и неэргативные глаголы (хотя и в разной степени) в зависимости от семантических факторов, таких как взаимная предсказуемость глагола и его аргумента» [Keller, Sorace 2003: 58]. Таким образом, объяснительная сила этого критерия именно как «пучка» синтаксических параметров далеко не общепринятый факт.

Нам представляется более содержательным в связи с системным сосуществованием двух показателей перфекта/перфективного прошедшего говорить об их дополнительном распределении по конкретным лексемам в зависимости прежде всего от лексико-семантических факторов, что не отрицает и

³ Впрочем, и в «чисто семантическую» гипотезу возвратные глаголы вписываются с трудом; в работе [Sorace 2000], где строится семантическая иерархия, они вообще поэтому исключены из рассмотрения.

(универсального) глубинного синтаксического объяснения этих феноменов (которое в задачи нашего исследования не входит); похожую методику принимает Антонелла Сораче [Sorace 2000: 879], исследуя, в частности, «syntax/semantic mismatches» и сохраняя оба уровня представления конструкции.

Нидерландский язык [Lieber, Vaayen 1997] обнаруживает следующую картину: с глаголом *zijn* ‘быть’ употребляются глаголы движения (*gaan* ‘идти’, *komen* ‘приходить’) и изменения состояния (*sterven* ‘умирать’, *groeien* ‘расти’). С глаголом *hebben* ‘иметь’ употребляются из непереходных в основном глаголы деятельности и состояния (*denken* ‘думать’, *slapen* ‘спать’, *staan* ‘стоять’) и ограниченный класс «точечных» глаголов (*knipogen* ‘моргать’, *zuchten* ‘вздыхать’). Некоторые переходные глаголы также оказываются среди спрягаемых с *zijn*; это *passeren* ‘миновать, проходить мимо’, *naderen* ‘приближаться’, *vergeten* ‘забывать’, *volgen* ‘следовать за’.

Особый интерес представляют глаголы, колеблющиеся между этими типами. Во-первых, это глаголы, интерпретируемые без некоторых актантах как деятельность, а с ними как предельные, а именно глаголы способа движения (manner of motion, в терминологии [Talmy 2000, 1: 343]), у которых может быть факультативно указано направление (*lopen* ‘иди пешком’, *fietsen* ‘ехать на велосипеде’); если оно указано (‘пойти пешком в школу’, ‘поехать на велосипеде на конференцию’ и т. п.), то глагол спрягается со вспомогательным *zijn*. Во-вторых, это глаголы движения и изменения состояния, имеющие каузативный вариант (*scheiden* ‘отделяться/отделять’, *ploffien* ‘взрываться/взрывать’); каузативы, будучи переходными глаголами, имеют вспомогательный глагол *hebben*, некаузативные соответствия — *zijn*.

Либер и Баайен предлагают для глаголов (и глагольных словосочетаний), употребляющихся с глаголом *zijn*, общий семантический признак — ‘выводимость конечного положения или состояния’ (inferable eventual position or state); он в принципе независим от признака предельности (например, глагол *geeuwen* ‘зевать’ — предельный, однако не предполагает изменения состояния и спрягается с глаголом *hebben*). Анализ данного распределения с синтаксической точки зрения (в соответствии с «гипотезой о некаузативности») предложен в полемической по отношению к работе [Lieber, Vaayen 1997] статье [Hoekstra 1998]. Т. Хукстра, критикуя Либера и Баайена в том числе и за чисто описательный подход (этот анализ «никоим образом не объясняет, почему происходит выбор вспомогательного глагола, и даже неясно, что в точности означает „выбор глагола *zijn*“»), указывает, что синтаксическое сходство «неэргативных» глаголов с переходными обуславливает схожие средства их кодирования, точно так же как неслучаен выбор бытийного глагола одновременно в качестве показателя перфекта от «пациентных» глаголов и в качестве показателя пассива. Возможно, это и так (собственно, «семантическая

теория» такого объяснения не отрицает), но и полного совпадения синтаксических параметров с выбором конструкции не наблюдается; объяснение здесь не полностью адекватно объективным фактам.

Зависимость данного распределения от параметра «переходность/непереходность», а также от параметра «конечного положения или состояния» — т. е. от материального результата действия — обнаруживает прямую связь с формальным различием «посессивного» («субъектно-переходного») и «объектного» результата (об этом «эргативном» соотношении см., например, в [Недялков 1981; Недялков, Яхонтов 1983]) и непосредственно его продолжает.

Для немецкого языка важным параметром выбора вспомогательного глагола также является «изменение состояния», причем параметр предельности играет меньшую роль, чем в нидерландском (В. Абрахам утверждает даже, применительно как к древневерхненемецкому, так и современному языку, что «так называемые „неаккузативные“ или эргативные» глаголы, выбирающие вспомогательный глагол ‘иметь’, суть «семантические инхоативы» [Abraham 1992: 5], что является все же слишком сильным обобщением). В частности, по-разному ведут себя глаголы «бесцельного движения», не имеющие обстоятельства траектории, направления и т. п.: если в нидерландском, как мы только что видели, они выбирают вспомогательный глагол ‘иметь’, в немецком употребляется ‘быть’ ([van Hout et al. 1993], пример цит. по [Keller, Sorace 2003: 64]):

нем. *Paul und Rita sind stundenlang durch den Saal getanzt.*

нид. *Paul en Rita hebben urenlang door de zaal gedanst.*

‘Пауль и Рита протанцевали несколько часов в зале’

Кроме глаголов движения, немецкий язык использует вспомогательный глагол ‘быть’ с глаголами изменения состояния, включая продуктивный класс таких глаголов с приставкой *ver-* (*verbluten* ‘истечь кровью’, *verblühen* ‘отцвести’ и другие), и факультативно с некоторыми глаголами сохранения состояния (обязательно — только с *bleiben* ‘оставаться’), остальные глаголы используют посессивную стратегию (с вспомогательным *haben* ‘иметь’) [Keller, Sorace 2003]. С глаголом *sein* ‘быть’ также спрягаются переходные глаголы, производные от глаголов движения и изменения состояния (часто сильно идиоматизированные): *durchgehen* ‘проходить’, *eingehen* ‘вступать (во что-л.)’, *unternehmen* ‘предпринимать, осуществлять’, *loswerden* ‘избавляться, тратить’:

Der Betrieb ist den Vertrag mit der Schule eingegangen [Helbig, Buscha 1977: 116]

‘Предприятие заключило договор со школой’ (ср. рус. *вступить в договор(ные отношения)*), где, в отличие от немецкого, не прямопереходная конструкция)

Другая семантическая классификация немецких глаголов в зависимости от выбора перфектной конструкции предлагается в [Diedrichsen 2002]: здесь выделены три семантических критерия, в соответствии с которыми предпочитается вспомогательный *sein*: перемена состояния, в частности, «определенное конечное состояние» (*definierter Nachzustand*), направленное движение (*Fortbewegung*) и появление/исчезновение (*In- oder Außer-Erscheinung-Treten*): последний класс включает прежде всего прототипические глаголы *erscheinen* и *verschwinden*, а также их синонимы (в том числе, между прочим, и *sterben* ‘умирать’). Данные семантические критерии допускают метафорическое расширение: так, глагол *bleiben* ‘оставаться’ толкуется как «негативная перемена места», а *passieren* ‘происходить’ (*Ein Unfall ist passiert* ‘Произошел несчастный случай’) — как «абстрактный глагол появления».

Во французском языке глагол *être* ‘быть’ употребляется со всеми возвратными глаголами (*il s’est blessé* ‘он ушибся, он поранился’), а также с очень ограниченным классом непереходных глаголов (не считая продуктивных дериватов вроде *redescendre* ‘спускаться опять’, их всего 21, согласно [Abeillé, Godard 2002 : 446]), относящихся к классу движения и изменения состояния (*aller* ‘идти’, *arriver* ‘прибывать’, *descendre* ‘спускаться’, *naître* ‘родиться’, *mourir* ‘умирать’ и нек. др.); а также, как и в немецком, глаголы со значением ‘оставаться, пребывать’: *demeurer* и *rester*. Интересно, что проблематика выбора вспомогательного глагола во французском языке освещена уже в знаменитой «Грамматике общей и рациональной Пор-Рояля» — первая (европейская) работа по теоретической грамматике включает в себя и первый лингвистический текст на обсуждаемую нами тему.

Авторы «Грамматики», А. Арно и К. Лансло, указывают на распространенность этого явления в европейских языках (вспомогательные глаголы есть явление «общее для всех новых языков (*langues Vulgaires*) Европы»; [Грамматика... 2000: 187]) и на некоторые отличия в выборе глаголов между различными языками («глагол *être* имеет различные времена, также образованные от глагола *avoir* и причастия *été*... Этим французский язык отличается от других, ибо немцы, итальянцы и испанцы употребляют во всех временах глагола *быть* сам этот глагол как вспомогательный. Так, они говорят *sono stato* (*je suis été*). Так же поступают и валлоны, говорящие на плохом французском» [Там же: 190])⁴. Что касается собственно французского языка, то авторы выделяют «два случая, когда вспомогательный глагол *être* употребляется вместо глагола *avoir*»: это возвратные глаголы и «некоторые непереходные

⁴ В испанском языке середины XVII века глаголы *ser* и *estar* ‘быть’ (как и в современном испанском) спрягались на самом деле со вспомогательным ‘иметь’: *he sido, he estado*.

глаголы». В связи с первым классом случаев, отмечая опять же, что подобного употребления «немцы не имеют вовсе, используя в этом случае глагол *avoir*» (Арно и Лансло приписывают распространение аналитических конструкций германскому влиянию), авторы предлагают объяснение этого феномена, вполне согласное с предлагаемым современными авторами (как принимающими «гипотезу неаккузативности», так и отвергающими ее): «Действие и претерпевание, заключенные, таким образом, в едином субъекте, побудили нас употреблять глагол *être*, указывающий на пассивное состояние более отчетливо, нежели глагол *avoir*» [Там же: 197]. Второй класс случаев — переходные глаголы вида *aller, partir, sortir* — практически не комментируется, кроме указания на тот факт, что «эти глаголы из переходных становятся переходными и в полном смысле активными, что происходит в случае присоединения к ним слова, которым они должны управлять» [Там же: 201]: *cette femme a monté la montagne* ‘эта женщина поднялась на гору’. Значительная часть соответствующего раздела в грамматике Пор-Рояля посвящена обсуждению факторов, регламентирующих согласование в перфектной конструкции причастия с субъектом или объектом глагола; общее синтаксическое правило, выводимое Арно и Лансло, в общем также коррелирует с переходностью: «Причастие может стать несклоняемым герундием лишь в том случае, если оно управляет другими словами, а в тех случаях, когда оно не управляет, оно склоняется» [Там же: 200].

Современный синтаксический анализ обсуждаемых вспомогательных глаголов во французском выполнен в [Abeillé, Godard 2002]; авторы утверждают (на основании стандартных синтаксических тестов на границы составляющих), что французскую аналитическую конструкцию следует анализировать как «плоскую» глагольную группу (flat VP) и не усматривать в ней глубинного субъекта, диктующего выбор вспомогательного глагола. Конечный вывод авторов таков, что выбор вспомогательного глагола (за исключением рефлексивов) связан не с синтаксической структурой, а с лексическими ограничениями; впрочем, запрет на употребление *avoir* с возвратными глаголами (**s'a blessé*) можно приписать «морфологическому» отсутствию в языке сочетания полнозначного глагола *avoir* ‘иметь’ с показателем рефлексива клистикой *se* [Ibid.: 443—444].

Обсуждаемое явление (как и во французском и итальянском, сопровождающееся утерей согласования в посессивном варианте, но сохранением его в бытийном) представлено в ретороманском языке [Сухачёв, Горенко 2001]: в энгадинском диалекте имеем *ella ha fat* ‘она сделала’, но *ella es partida* ‘она уехала’.

Выбор вспомогательных глаголов (*zayn* для ограниченного числа глаголов движения, *hobn* для остальных) характерен для большинства европейских разновидностей языка идиш [Gold 1998; Чернин, Хакина 2000]; в американ-

в средневековом испанском [Aranovich 2003], как увидим ниже, глаголы состояния на самой ранней стадии также спрягались с глаголом ‘быть’ и утратили такую конструкцию одними из первых. Таким образом, можно предполагать, что в литературном немецком (где перфектное значение у аналитической формы сохранялось дольше и до сих пор не полностью утрачено) успела найти воплощение тенденция к обобщению вспомогательного глагола в пользу *haben* (начавшая распространяться с наименее устойчивого звена в классе *sein*-глаголов); «аномальное» спряжение *bleiben*, таким образом, представляет в литературном немецком архаизм.

В эту зону, скорее всего, следует включить также и нидерландский язык, в котором, согласно результатам анкетирования, проведенного в рамках исследования EUROTYPE (так называемый «вопросник по перфекту»), форма перфекта оказалась употребительной в нарративных контекстах «и, таким образом, перестала быть перфектом в собственном смысле слова» [Lindstedt 2000: 379]. В работе [de Hoop et al. 2004: 1080], специально посвященной проблематике грамматической синонимии и вариативности, отмечается: «простое прошедшее исчезает из языка; во все большем количестве контекстов событие в прошлом выражается при помощи перфекта»; аналитическая форма считается немаркированным синонимом синтетической формы. Но ср., напротив, указания на невозможность нарративного употребления нидерландского перфекта в [de Swart, Molendijk (to appear)]: согласно этой работе, данная форма вполне сохраняет ограничения, свойственные перфекту, а единственной нетипичной ее чертой (сравнительно, например, с английским, но не с испанским, греческим и целым рядом других языков) является употребительность в контексте показателей точного времени:

Sara is om zes uur vertrokken.

‘Сара ушла в шесть часов’

**Toen Jan me heeft gezien* (перфект) *is hij bang geworden* (перфект) / *werd* (претерит) *hij bang.*

‘Когда Ян меня увидел, он испугался’.

Отметим, что в нидерландском переводе романа Камю «Посторонний», где во французском оригинале автор использует в нарративной функции аналитическое прошедшее время *passé composé*, оно передается через форму перфекта во всех случаях, где имеется обстоятельство точного времени (в противном случае употребляется синтетический претерит) [Ibid.], что может отражать начальную стадию экспансии перфектной формы в нарративный контекст. На сочетаемость перфекта в нидерландском с обстоятельствами точного времени — вполне аналогичную положению дел в таких языках с

явным «аористическим дрейфом», как немецкий и итальянский, — указывают также А. Джорджи и Ф. Пьянези [Giorgi, Pianesi 1997: 84].

Даже если признать нидерландский язык «выбивающимся» из общей картины, совпадение ареалов утраты аналитическим прошедшим собственно перфектной семантики и существования параллельных конструкций со вспомогательными глаголами ‘иметь’ и ‘быть’ налицо.

Особо разберем случай в одном из двух (наряду с македонским) славянских языков, для которых релевантна обсуждаемая проблематика.

В кашубском языке, где старый славянский *l*-перфект превратился в простое прошедшее, под немецким влиянием [Tommola 2000: 470] возник новый перфект с глаголом *miec* ‘иметь’ и активным *l*-причастием. При личном местоимении, однако, выступает пассивное *n*-причастие:

Jô móm zasané žëto [Дуличенко 2005: 393]
‘Я посеял рожь’.

В то же время другой новый перфект с глаголом *bëc* ‘быть’ и пассивным *n*-причастием употребляется с «непереходными глаголами движения» [Stone 1993: 777]:

Ta bialka je precz jidzonô
‘Эта женщина ушла’.

Впрочем, неясно, в какой степени эта конструкция носит уже именно перфектный, а не еще результативный характер; Х. Томмола, ссылаясь на данные работы [Lorenz 1925], согласно которой старый перфект в кашубском сохраняет собственно перфектные функции, утверждает, что эти новые формы «не полностью грамматикализованы» [Tommola 2000: 470]. Аналогичные «новые» перфектоидные формы в славянских языках (вроде русского диалектного *у него хожено* или особенно македонского *јас сум дојден*, формально точно соответствующего кашубскому «перфекту») представляют собой результативы. Так или иначе, отметим, что кашубский «новый перфект» с лексическим выбором вспомогательного глагола связан с контактным влиянием.

2.2. Типологические параллели центральноевропейского ареала: старояпонский, индоарийские, семитские языки разных эпох

Есть серьезные основания полагать, что данный феномен носит типологический характер и не ограничивается центральноевропейским ареалом и романской и германской группами.

нем. *Wir haben draußen gespielt*

фр. *Nous avons joué dehors*
 ‘Мы поиграли на улице’

‘приходить’ — глагол движения/изменения состояния:

ст.-яп. *haru sari-ni-keri*
 весна приходить-ПЕРФ:II-РЕТРО
 ‘...пришла весна...’

нем. *Der Frühling ist gekommen*

фр. *Le printemps est arrivé*
 ‘пришла весна’.

Природа этого распределения обсуждалась в японских грамматиках XVIII—XIX вв. и связывалась в основном с переходностью (цитируемые в [Washio 2004: 201] суждения японских грамматистов иногда любопытным образом напоминают подход авторов грамматики Пор-Рояля). По данным цитированной работы, глаголы изменения состояния (*tiri-* ‘падать’) образовывали перфект с *-ni-*, соответствующие каузативы (*tirasi-* ‘ронять’) — с *-tu-*; глаголы движения (вроде приведенного в примере выше *sari-* ‘приходить’) — с *-ni-*. Но в целом ряде частных распределений обсуждаемых старояпонских показателей не соответствует ожидаемому исходя из гипотезы о «неаккузативности» и в то же время типологически чрезвычайно сближается с ситуацией, например, в нидерландском языке; в частности, ряд переходных глаголов (в основном одних и тех же, с семантикой неконтролируемости: *vergeten* и *wasure-* ‘забывать’, *passeren* и *sugi-* ‘проходить мимо’) в обоих языках «выбирает» конструкции со вспомогательным *ni* и *zijn* соответственно.

Сравнивая не только синхронное лексическое распределение, но и диахроническую судьбу старояпонских и новоевропейских форм — чего в [Washio 2004] не делается, — мы обнаруживаем, что японский перфект (или «перфекты») оказались столь же неустойчивыми на шкале времени, что и соответствующие формы во французском, итальянском, немецком, ретороманском или идиш. Названная форма активно употребляется в памятниках японского языка на протяжении семи веков, с VII до XIII столетия; в языке XIV—XVI вв. она встречается уже лишь как реликтовая и в современном японском отсутствует. В упоминаемой статье анализируются лишь самые ранние памятники VII—VIII веков, сохраняющие результиативное или перфектное значение. Есть и свидетельства того, что эта форма эволюционировала в сторону перфектива или простого прошедшего (так, она сохранялась в специфическом архаичном «военном языке» Японии [Холодович 1937] и там употреблялась в нарративном значении; ср. также ссылку на лингвиста XX в. Кобаяси, считавшего значением показателя *-ni* ‘исчерпание процесса’ [Washio 2004: 212]).

С распределением форм европейского (бывшего) перфекта, помимо старояпонских форм, можно сопоставить также сильнее грамматикализованные (как с формально-морфологической, так и с семантической точки зрения) формы «прошедшего автономного времени» в индоарийском диалекте авадхи [Липеровский 1997: 179—184]. Семантически это типичный перфектив, или аорист, который «оставля[ет] невыраженным значение актуальности последствий действия для более позднего временного плана» [Там же: 183] и «выступает как средство повествования об имевших место в прошлом событиях» [Там же: 184]. Здесь глагол имеет две парадигмы, в одной из которых различаются «формы рода и числа, отражающие адъективную парадигму перфективного причастия», но нет личного спряжения, а в другой, напротив, имеются личные окончания, но нет согласования по роду; «она воплощает собой флективное словоизменение, возникшее на базе перфективного причастия».

Замечательно, что распределение данных парадигм по глагольным лексемам приближается к распределению «бытийного» и «посессивного» типа перфекта (ныне перфективного прошедшего) в европейских языках, а именно, «адъективный» согласуемый тип тяготеет к непереходным глаголам (как мы видели, во французском и итальянском языках до сих пор сохраняется согласование причастий в «бытийном» типе аналитического прошедшего), а «флективный» тип — к переходным глаголам. Реально глаголы имеют контаминированное словоизменение, включающее как формы, совпадающие с причастием, так и формы, имеющие лично-числовые флексии (в ряде случаев одно и то же сочетание признаков лица, числа и рода допускает синонимичные формы обеих парадигм), однако «противопоставление в роде (мужской ~ женский...) релевантно только для непереходных глаголов» [Там же: 180—181]. Таким образом, перфективное прошедшее сохраняет вариативность, свойственную передаче различия между «посессивным» (субъектно-переходным) и объектным результативом. Можно предположить, что, как и в западноевропейских языках, эти формы достаточно быстро миновали собственно перфектную стадию.

В работе [Anderson 1982] с европейским феноменом выбора вспомогательного глагола сопоставляется семитский материал — современного арабского (западносемитская группа) и мертвого аккадского языка (восточносемитская группа). Здесь в формах, прошедших развитие от результатава к простому прошедшему, также засвидетельствовано противопоставление диатезных типов — различие между глаголами «изменения состояния» и «действия» (о результате в современном арабском см. [Храковский 1983]); для кодирования этих двух типов используются различные огласовки (причем существенно, что в западно- и восточносемитских языках соответствующие показатели имеют разное происхождение, так что аналогии при сопоставлении

этих групп носят типологический характер). Это различие выражено в лексически обусловленном выборе первого гласного огласовки (так называемого «типового гласного»); в литературном арабском, впрочем, этот выбор далеко не всегда семантически прозрачен [Юшманов 1928/1985: 51]⁷. Андерсон выстраивает иерархию [Anderson 1982: 252] по несколько иным принципам, чем впоследствии предложенная на европейском материале в [Sorace 2000]:

	Аккадский претерит	Арабский «перфект»	Французский	Немецкий
«преимущественно переходные глаголы деятельности»	/i/	/a/	avoir	haben
«преимущественно переходные глаголы состояния»			être	sein
«глаголы перемены положения»		/i/		
«глаголы изменения состояния объекта»				
«медиальные глаголы»				
«пунктивные переходные глаголы»	/i/ (/a/)	/a/	avoir	haben
«переходные непунктивные глаголы»	/u/			

Снова подчеркнем, что и в аккадском, и в арабском «перфект» приобрел значение нарративного претерита, вытеснившего старый общесемитский претерит в ирреальную зону [Ibid.].

Аналогичная картина представлена и в древнеперсидском, где посессивная конструкция «нового перфекта» («такого оборота, который в древнеперсидском заменил собою древний [индоевропейский] перфект») уже в среднеперсидском дает претерит (*man kart* ‘я сделал’ букв. ‘у меня / мне сделано’), а в новоперсидском эта форма получает личные окончания и теряет признаки диатезной нестандартности (*man kardam*, где *man* — это уже просто ‘я’) [Бенвенист 1952/1974: 193—196; Hewson, Vubenik 1997: 305—307]. Подробно этот процесс разобран, например, в [Эдельман 2002: 113 и след.]; там же и

⁷ В арабском языке лексический выбор «типового гласного» в зависимости от категории «действия»/«состояния» имеет место также в имперфекте; этот параметр в [Anderson 1982] также включён в указанную иерархию; мы его не учитываем, как не имеющий прямого отношения к тематике статьи.

ссылки на предшествующие работы. В иранских языках, согласно Д. И. Эдельман, выступали две результативные конструкции: для непереходных глаголов — бытийная ‘я ушедший есть’, а для переходных — посессивная ‘это у меня (мною) сделанное (есть)’. «Со временем в подавляющем большинстве иранских языков уже грамматикализованные формы перифрастического перфекта утрачивают значение результативности и становятся формами претерита» [Там же: 118]; это приводит к характерной для многих современных иранских языков оппозиции «номинативная стратегия в презенсе — эргативная стратегия в претерите» (так в пуштунском и памирских языках: [Hewson, Bubenik 1997: 309—311]).

Сохранялось распределение двух конструкций Perfectum — синтетической и аналитической «пассивной» — у различных классов глаголов и в классической латыни: здесь, как известно, большинство глаголов имеет синтетические формы разного морфологического устройства и этимологии (*offerō* ‘предлагаю, подношу’ — *obtuli* ‘я поднес’, *cano* ‘пою’ — *cecini* ‘я спел’ и под.), в то время как ограниченное число так называемых отложительных и полуотложительных глаголов образуют Perfectum так же, как и страдательный залог от переходных глаголов, — при помощи аналитической конструкции с причастием + глагол ‘быть’ (*progredior* ‘двигаюсь вперед’ — *progressus sum* ‘я двинулся вперед’); ср. анализ морфологической и синтаксической структуры этого явления в [Embick 2000]; здесь же подчеркивается, что это распределение невозможно толковать как «неаккузативное» — хотя бы уже потому, что некоторые отложительные глаголы являются переходными. И в этом случае форма семантически миновала собственно перфектную стадию — в латыни это типичное перфективное прошедшее время (что демонстрирует и этимология форм, представляющих собой результат контаминации индоевропейских перфекта и аориста).

Однако в третьем древнем индоевропейском языке, классическом армянском, где перфект (с результативным оттенком) также имел две альтернативные синтаксические конструкции (в отличие от древнеперсидского и латыни, не затрагивающие собственно формы) — посессивную и бытийную, — произошла, напротив, унификация этих двух форм (подробнее см. в следующем разделе). Знаменательно, что здесь унифицированная форма, в отличие от большинства только что разобранных случаев, вполне сохранила собственно перфектное значение (восточноармянский) или, по крайней мере, не смешалась с претеритом (западноармянский, где перфект эвиденциализируется). Точно такая же корреляция между сохранением перфекта как самостоятельного грамматического значения и унификацией конструкций, его выражающих, налицо и в современных европейских языках. К подробному рассмотрению этого феномена мы и переходим.

3. Унификация перфектной конструкции и оппозиция перфект / результатов

Особый путь развития систем с выбором вспомогательного глагола зафиксирован в тех языках, где, в то же время, у этих форм сохраняется собственно перфектная семантика. Это языки Европы, не образующие единого ареала; напротив, они принадлежат к нескольким несмыкающимся географическим областям, расположенным вдоль побережья континента (в отличие от вышеописанного средневропейского ареала, где происходит переход перфекта в перфектив/простое прошедшее). Р. Тирофф [Thieroff 2000: 285—286] предложил для обозначения данной изоглоссы термин «перфект европейского побережья» (*European maritime perfect*). Из языков указанной зоны интересующий нас переход отмечен в английском, норвежском, шведском, испанском, португальском, каталанском языках, а также в южноитальянских диалектах, где перфект сохраняется. Как уже отмечалось, только датский и нидерландский языки сохраняют лексически обусловленное распределение вспомогательных глаголов; однако:

в нидерландском языке аналитический перфект имеет некоторые функции, приближающие его к нарративному времени (см. предыдущий раздел), и там эволюция перфекта в указанном направлении уже началась;

в датском языке, как будет показано ниже, процесс обобщения глагола ‘иметь’ в значении показателя перфекта уже налицо (однако не достиг еще завершающей стадии, как в норвежском).

Таким образом, если сохранение в данных зонах перфектной семантики представляет собой прямое продолжение старого состояния, некогда свойственного всей Европе (и, таким образом, может толковаться как ареальное), то изменение системного соотношения между двумя перфектными формами, о котором пойдет речь в настоящем разделе, произошло в разное время (в романских и германских языках — даже, по-видимому, на разных стадиях семантического развития этого показателя), в территориально разобщенных языках и, следовательно, является типологическим явлением.

Прежде чем предложить объяснение этой корреляции, рассмотрим ситуацию в названных языках подробнее.

3.1. Южное побережье «европейского перфекта»: романские языки

Ситуация в романских языках для раннего периода их развития не всегда ясна из-за «сравнительно позднего появления записей нелитературного языка (*vulgar scripts*)» [Squartini, Bertinetto 2000: 420]. Во всяком случае, разумно предполагать, что употребление «посессивного» перфекта с переходными

предельными глаголами и «бытийного» с непереходными было изначально характерно для всех языков, в соответствии с тем употреблением, которое обнаруживается в поздней латыни.

В романских языках — в средне- и южноитальянских говорах, а также в иберийской и румынской зонах — произошло обобщение «посессивного» вспомогательного глагола на все употребления перфекта [Vincent 1982; Tuttle 1986; Squartini, Bertinetto 2000: 428]. Ситуации в румынском (и других малых языках на Балканах) и средне- и южноитальянских говорах носят несколько разный характер: рассмотрим сначала положение дел в иберо-романской зоне.

В романских языках Иберийского полуострова — испанском, каталанском, португальском и галисийском — «бытийный» тип перфекта на протяжении средневековой истории этих языков оказывается полностью вытеснен «посессивным». В первых двух языках вспомогательный глагол в перфектной конструкции — это *haber*, исторически ‘иметь’, но в современных языках не употребляющийся, кроме как в качестве вспомогательного и в экзистенциальных предложениях со значением «имеется» (в этом значении в испанском существует особая форма 3 л. ед. ч. наст. вр. *hay* < *habet hic* ‘имеется здесь’, — ср. фр. *il y a* букв. ‘он здесь имеет’ с тем же значением, — отличная от соответствующей формы вспомогательного глагола *ha*; в прочих временах и наклонениях формы совпадают: имперф. *había*, буд. *habrá*, имперф. конъюнктива *hubiese/hubiera* и проч.).

В португальском и галисийском между XIII и XVI веками обобщился глагол, восходящий к лат. *tenere* ‘держат’, который в иберо-романских языках является основным способом выражения обладания; глагол *ser* ‘быть’ уже в XIII веке употреблялся (в период существования единого литературного галисийско-португальского языка) лишь с очень немногими непереходными глаголами: *ir* ‘идти’, *vir* ‘приходить’, *partir* ‘уходить’, *morrer* ‘умирать’ [Вольф 1988: 56]. Синонимичная конструкция с глаголом *haver*, восходящим к *habere*, тоже существовала в португальском языке («два конкурирующих вспомогательных глагола» *ter* и *haver* характерны для галисийско-португальского периода [Там же: 57], причем в это время *haver* преобладал, и португальского языка XVI в. [Там же: 127]), но в XIX веке была вытеснена перфектом с глаголом *ter*. Однако в бразильском португальском преобладает форма с *haver*, что отражает состояние языка до XVI в. — времени начала колонизации Бразилии [Там же: 57].

Динамика утраты перфекта с глаголом *ser* ‘быть’ в средневековом испанском показана в работе [Agranovich 2003], использующей лексико-семантический (а не синтаксический) подход к проблематике «выбора вспомогательного глагола». Согласно этой статье, в XIV—XV веках распределение показателей перфекта в общем соответствовало сохраняющемуся в таких языках

Европы, как итальянский или нидерландский: глагол *ser* употреблялся с глаголами движения (такими, как *llegar* ‘прибывать’) и с глаголами изменения состояния (*despertar* ‘будить’); ранее (в XIII веке) утратили «бытийную» конструкцию глаголы сохранения состояния (*quedar* ‘оставаться’, *holgar* ‘отдыхать’). Непереходные предикаты с более четкой «пациентной» семантикой (иными словами, единственный актант которых сильнее «затронут» — affected — соответствующей ситуацией) сохраняли вспомогательный глагол *ser* дольше. Процесс унификации вспомогательного глагола происходил параллельно в зависимости от одинаковых семантических факторов в возвратных и невозвратных глаголах (ситуации, при которой все возвратные глаголы образовывали перфект/результатив с глаголом ‘быть’ — как в итальянском или французском, — в средневековом испанском, по-видимому, не было) [Ibid.: 16—25]. Класс испанских глаголов, последними утративших вспомогательное *ser* (XVII в.), близок к классу сохраняющих *être* в современном французском (*crecer* ‘расти’, *ir* ‘идти’, *partir* ‘уходить’, *pasar* ‘проходить’, *morir* ‘умирать’, *nacer* ‘рождаться’).

Во всех названных иберо-романских языках перфект сохраняет свое значение, отличное от значения простого прошедшего времени, и, даже утрачивая прототипическое для перфекта значение «текущей релевантности», не проявляет экспансию в сферу употреблений простого (перфективного) прошедшего, а напротив, скорее уступает ему «свою» территорию. Действительно, в португальском, галисийском, испанском Канарских островов и некоторых вариантах испанского в Латинской Америке (в работе [Squartini, Bertinetto 2000] подробно разбираются примеры из мексиканского испанского, но указывается [Ibid.: 412—413] на аналогичное распределение также в колумбийском, пуэрториканском и аргентинском вариантах) употребление перфекта фактически ограничено контекстами «продолжающейся ситуации», охватывающей момент речи и интерпретируемой как дуративная и неопределенная [Ibid.: 408—413]:

- португ. *Tenho estudado imenso desde que decidi fazer o exame*
 ‘Я занимался очень много с тех пор, как решил сдать этот экзамен’
- мексик. исп. *Eso ya lo hemos discutido muchas veces*
 ‘Это мы уже обсуждали много раз’.

В экспериенциальных контекстах, контекстах «свежих новостей» и «текущей релевантности» употребляется только перфективное прошедшее, перфект недопустим:

- португ. **Já tens estado em Austrália?*
 ‘Бывал ли ты в Австралии?’

- португ. **Tem chegado o rei!*
 ‘[К нам] приехал король!’
- португ. **Não, já se tem ido embora*
 ‘Нет, [он] уже ушел’
- мекс.исп. **Ya ha llegado*
 ‘[Он] уже пришел’

Особое (но содержательно близкое) распределение обнаруживает также еврейско-испанский язык [Malinowski 1984]: здесь обобщился вспомогательный глагол *tener*, а сама перфектная конструкция встречается преимущественно в вопросительных и (чаще) отрицательных экспериенциальных контекстах:

- No lo tengo visto hasta agora entre los clientes de mi tante*
 ‘До сих пор я его не встречал(а) среди покупателей моей тети’
- Tiene sintido esta palabra?*
 ‘Слышал ли ты когда-нибудь это слово?’.

Согласно одной точке зрения [Harris 1982], эта особенность употребления перфекта в данных языках представляет собой особую стадию грамматикализации, промежуточную между результативом и перфектом. М. Сквартини и П.-М. Бертинетто [Squartini, Bertinnetto 2000: 419] полагают, что такая интерпретация проблематична: с их точки зрения это «совершенно независимый путь развития, в котором на первый план выходят акциональные значения, или, скорее, особый тип взаимодействия акциональных и аспектуальных значений» [Ibid: 419]. Так или иначе, оппозиция «перфект vs перфективное прошедшее» в этих языках сохраняется.

Существенно также, что во всех этих языках сохраняется различие и между перфектом и результативом: «везде сохраняется и посессивный результатив, так или иначе формально обособляющийся от перфекта. В испанском, например, в акциональном перфекте используется вспомогательный глагол *haber*... и неизменяемая форма причастия, а в результативе — глагол *tener* и согласуемая с объектом форма причастия. Ср., с одной стороны,

- He escrito la carta*
 ‘Я написал (или писал) письмо’,

а с другой — результатив

- Tengo escrita la carta*
 ‘Имею письмо написанным’» [Маслов 1983: 48].

Кроме того, различие между перфектом и результативом достигается при помощи грамматикализации порядка слов, «коррелирующего с утратой согласования у причастия» [Squartini, Bertinnetto 2000: 427]:

порт. *Tenho uma carta escrita*
 ‘У меня написано (написанное) письмо’
Tenho escrito uma carta
 ‘Я написал письмо’.

В средне- и южноитальянских говорах, где сохраняется употребление перфекта и не происходит его смешения с аористом (см. подробнее [Squartini, Bertinotto 2000: 422—426]), ситуация со вспомогательным глаголом отличается от литературного (тосканского) итальянского и от говоров северной Италии, где (см. подробнее предыдущий пункт) аналитическая форма, перенявшая формы перфективного прошедшего, сохраняет и распределение между вспомогательными глаголами ‘иметь’ и ‘быть’, связанное с переходностью и семантическим классом предиката. Однако в разных говорах остальной территории Италии аналитический перфект (поскольку постольку он вообще представлен в данных говорах) обнаруживает сложную картину: экспансию не только *habere*, но и, в других микрорегионах, *esse* как универсального вспомогательного глагола [Tuttle 1986: 231 ff.]. Так, отмечено *sono visto/so veduto* ‘я видел’, букв. ‘я есть виденный’ в среднеитальянских диалектах Лацио и Абруццо, а на юге, в Калабрии, наоборот, *habere* с прототипическими для «бытийного» типа глаголами движения: *hannu venutu* ‘пришли’ ([Ibid.: 234]; здесь не исключено также историческое влияние испанского или греческого. Таким образом, не только «посессивный» тип перфекта вытесняется здесь «бытийным», но и, в ряде говоров, в точности наоборот. Данный эффект демонстрирует генетическую и ареальную независимость анализируемого соотношения от ситуации в иберо-романской зоне; важен здесь не тип «побеждающего» показателя, а общий принцип унификации.

Отмечен и третий логически возможный тип унификации перфектного показателя, а именно в некоторых каталанских и итальянских говорах имеет место единая смешанная парадигма вспомогательного глагола с формами, восходящими как к *esse*, так и к *habere* (чему способствовало также фонетическое сближение этих глаголов в данной диалектной зоне, в частности словоформ 3 л. ед. ч., выглядящих в литературном итальянском как *è* и *ha*) [Tuttle 1986 passim; Bentley, Eythorsson 1999].

3.2. Северное побережье «европейского перфекта»: германские языки

Принципиально схожа с указанной романской ситуацией картина в германских языках.

Английский перфект, согласно [Traugott 1972; Carey 1994] (см. также [Bybee et al. 1994: 68]), возникает из дополнительно распределенных древне-

английских результатов: образующегося при помощи вспомогательного глагола *beo-* ‘быть’ от непереходных глаголов и образующегося при помощи вспомогательного *habb-* ‘иметь’ от переходных. Результатив со вспомогательным глаголом ‘иметь’ в раннем древнеанглийском еще отчасти сохраняет посессивное значение, а в раннем среднеанглийском (XII—XIII вв.) становление перфектной семантики знаменуется резким уменьшением числа контекстов с обстоятельствами времени, указывающими на сохранение состояния [Carey 1994: 106—107]. На протяжении старо- и среднеанглийского периода указанное распределение в общем сохраняется, но в период новоанглийского XVI—XVIII вв. осуществляется активная экспансия *have*-конструкций в область непереходных глаголов, причем классом контекстов, с которого еще в среднеанглийском началось это вытеснение, оказались ирреальные употребления, а именно, контрфактический плюсквамперфект (*and had I not that tyme comen* ‘если б я в то время не пришел’) и перфектный инфинитив при модальных глаголах (*ye myght have comen* ‘вы могли бы прийти’) [Lipson 1999: 114]. Подробный корпусный анализ данного изменения предложен в работах [Kytö 1994] и [Lipson 1999] (в последней — на примере глаголов *come* ‘приходить’, *go* ‘идти, уходить’, *fall* ‘падать’ и *become* ‘становиться’). Здесь показано, что процесс обобщения вспомогательного *have* ‘иметь’ протекал в XVI — середине XVIII в., причем лексические предпочтения уходящей конструкции со вспомогательным ‘быть’ в общем соответствовали распределению в обсуждавшихся выше европейских языках: это глаголы движения — *arrive* ‘прибывать’, *come* ‘приходить’, изменения состояния — *alter* ‘изменяться’, *improve* ‘улучшаться’⁸, неконтролируемых происшествий — *hap(pen)* ‘случаться’, *befall* ‘выдаваться’, появления — *arise* ‘возникать’, прекращения — *decline* ‘приходить в упадок’, *die* ‘умирать’, поддержания состояния — *lie* ‘лежать’, *stay* ‘оставаться’. Точно так же, как в испанском и, возможно, немецком, этот последний тип обобщил вспомогательный глагол *have* одним из первых; так же, как и в других разбиравшихся выше языках, дольше всего сохраняли уходящую модель глаголы движения. Кроме того, сосуществовавшие модели с *have* и *be* от одних и тех же глаголов обнаруживали семантическое распределение, а именно: контексты типа *He is fallen* ‘Он упал’ имели скорее результативное значение (и сочетались с обстоятельствами точки отсчета типа *now* ‘сейчас’), а контексты типа *He has fallen* — собственно перфектное; таким образом, обсуждаемый процесс совпал с процессом грамматикализации перфекта как особого значения и отделения его от результата. Данное противопоставление реликтивно сохраняется у некоторых глаголов:

⁸ В каузативных употреблениях этих глаголов (‘изменять’, ‘улучшать’) используется вспомогательный глагол *have* — так же точно, как, например, в нидерландском или «активная» конструкция в старояпонском (см. предыдущий раздел).

The sun is set / has set

‘Солнце село’

He is gone to the market

‘Он ушел на рынок (и находится там)’

He has gone to market

‘Он (с)ходил на рынок (и вернулся)’.

Тем не менее в современном языке подобное противопоставление «уже почти вымерло» [Anderson 1982: 232]⁹.

Как мы уже видели раньше, в скандинавских языках на ранних стадиях развития перфекта из результатава наблюдалась интенсивная синонимия вспомогательных глаголов. В более поздний период в древнешведском и древнедатском языках налицо уже была характерная для Европы ситуация распределения вспомогательных глаголов в перфекте: форма с глаголом «быть» (*vara* и *wæra* соответственно) употреблялась «при непереходных глаголах, означающих перемену места или состояния», как в результативном, так и в акциональном (собственно перфектном) значении. Впоследствии произошло обобщение вспомогательного глагола. В современном норвежском и шведском языках мы встречаем здесь только глагол ‘иметь’ в перфектном значении; глагол ‘быть’ означает уже не перфект, а результатив [Стеблин-Каменский 1953: 230].

В современном норвежском языке «формы результатава... образуются сочетанием вспомогательного глагола *være* ‘быть’ и причастия II спрягаемого глагола... Формы перфекта и плюсквамперфекта образуются с помощью служебного глагола *ha* ‘иметь’. Этот глагол конкурирует с глаголом *være* в формах презенса и претерита субъектного результатава и в формах перфекта и плюсквамперфекта пассива» [Берков 1983: 198]. «Формальное противопоставление субъектного результатава и перфекта, бывшее, в частности, для глаголов движения нормой до недавнего времени, постепенно утрачивается, особенно в разговорном языке Восточной Норвегии и Трёнделага... Историческое развитие протекало так. Первоначально формы перфекта и результатава непереходных предельных глаголов были омонимичны и образов[ыв]ались с помощью глагола *være* ‘быть’. Затем перфект стал образовываться с помощью глагола *ha* ‘иметь’, и таким образом перфект и субъектный результатив размежевались формально (...). В последние десятилетия, однако, глагол *ha* постепенно вытесняет глагол *være* в результатава и это опять ведет к

⁹ Подобное реликтовое противопоставление у глаголов движения есть и в румынском [Sorace 2000: 865], где перфектное значение утрачено.

смешению форм перфекта и субъектного результата, т. е. к омонимии» [Там же: 198—199].

Sikringen er røket [Там же]

‘Предохранитель перегоревши’

Sikringen har røket

‘Предохранитель перегоревши / перегорел’

Han har gått hele veien [Стеблин-Каменский 1953: 230]

‘Он шел всю дорогу’

Han er gått

‘Он ушел’.

Таким образом, в норвежском языке параллельно с унификацией вспомогательного глагола в перфекте произошло формальное размежевание перфекта (с глаголом ‘иметь’) и результата (с глаголом ‘быть’). Эта ситуация совершенно аналогична той, которую видим, например, в испанском языке, где обособился результатив с вспомогательным глаголом *tener*.

Ситуация, аналогичная норвежской, имеется и в шведском языке: «В современном шведском языке перфект с глаголом быть (*vara*) от этих глаголов если и встречается, то только в значении результативного состояния, т. е. не является временной формой» [Стеблин-Каменский 1953: 230].

Предшествующий этап по отношению к картине, наблюдаемой в норвежском языке, по-видимому, наблюдается в датском. Действительно, в датском языке употребление вспомогательного глагола *være* ‘быть’ ограничено сильнее, чем в любом другом германском языке: с этим глаголом употребляются только непереходные глаголы движения, глагол *blive* ‘становиться’ и глагол *begynde* ‘начинать’, употребляемый без прямого дополнения ([Allan et al. 1995], цит. по [Bergeton 2004: 252]):

Hun er allerede rejst

‘Она уже ушла’

Er han stukket af?

‘Он убежал?’

Han er blevet professor

‘Он стал профессором’

Hun er svømmet væk

‘Она уплыла’

Jeg er begyndt på oversættelsen

‘Я начал переводить’ (предложная конструкция),

НО

Jeg har begyndt oversættelsen

‘Я начал перевод’.

В принципе такая ситуация вполне может быть достаточно устойчивой (ср. положение дел во французском языке, где аналитическая форма с глаголом ‘быть’ также образуется от очень ограниченного класса глаголов). Поэтому особенно важно отметить, что непереходные глаголы движения (но не изменения состояния) в экспериенциальном (то есть не результативном, но перфектном) значении употребляются с глаголом *have*:

Hun har svømmet over Kanalen.

‘Она переплыла Ла-Манш’.

Можно поэтому говорить о том, что в датском языке также намечается формальная дифференциация перфекта (посессивной конструкции) и результатава (бытийной конструкции), уже наличествующая в норвежском¹⁰. Возможно и развитие в сторону типологически редкой ситуации, по-видимому, представленной в другом скандинавском языке — исландском, с обособлением экспериенциального перфекта (на исландской системе мы в данной статье не останавливаемся).

3.3. Армянская параллель

Параллелизм унификации «бытийной» и «посессивной» конструкций по мере устойчивой грамматикализации перфекта находится и за пределами Западной Европы — а именно в армянском языке, на этапе перехода от древнеармянского к современным западно- и восточноармянским языкам.

Действительно, в древнеармянском существовало различие в конструкции, традиционно именуемой «перфект» (и имевшей, в отличие от современных языков, результативное значение: [Козинцева 1983: 215]), в зависимости от того, от переходных или непереходных глаголов она образуется [Lyonnet 1933; Бенвенист 1952/1974; Newson, Bubenik 1997: 75—79]. Данное различие никоим образом не было связано с каким-либо расщеплением внутри класса непереходных глаголов и представляло собой в чистом виде различие между субъектным и объектным результативом. Мы говорим «различие в конструкции», а не «различие в форме», поскольку собственно форма перфекта в обоих случаях выглядит как неизменяемое причастие на *-eal* плюс спрягаемая

¹⁰ В датском существует также грамматикализирующаяся конструкция *få* + причастие II, нередко трактуемая как «новый результатив», впрочем, это скорее показатель акциональности, чем элемент собственно глагольной парадигмы, со значением ‘удаться’, ‘успеть’ [Локштанова 1996].

форма глагола ‘быть’; разница между бытийной и посессивной стратегией пролегает в способе кодирования подлежащего. При непереходных глаголах подлежащее стоит в номинативе:

es *en-eal* *em*
я.НОМ родить-ПРЧ быть.1.ЕД
‘Я родился’

žamanak *has-eal* *ē*
пора.НОМ наступать-ПРЧ быть.3.ЕД
‘Пора наступила’.

При переходных глаголах подлежащее стоит в генитиве, а дополнение в аккумулятиве — таким образом, данная конструкция относилась к так называемому «трехчастному», или «контрастивному», типу, при котором различается кодирование агенса, пациенса и субъекта непереходного глагола:

nora *ber-eal* *ē*
он.ГЕН принести-ПРЧ быть.3ЕД
‘Он принес’

zayn *nšan* *arar-eal* *ēr* *nora*
этот.АКК чудо.АКК совершить-ПРЧ быть.3.ЕД.ПРШ он.ГЕН
‘Он совершил это чудо’ (плюсquamперфект).

В случае невыраженности агенса такая конструкция оставалась «недифференцированной по залогу» (‘он принесен’ и ‘он принес’) [Козинцева 1983: 215].

Э. Бенвенист [1952/1974: 196—200, 1960/1974: 217—220] проанализировал данную конструкцию как воплощающую различие между бытийным и посессивным типом перфекта; генитив субъекта в староармянском имеет посессивную функцию, и, соответственно, последовательность вроде «его совершено это чудо» означает именно ‘он имеет совершенным это чудо’, ‘habet factum’, в то время как с объектным результатом («непереходным перфектом») закономерно употребляется бытийная конструкция («есть пришедший», «есть наступивший» и т. п.); им же проведена параллель с соответствующими древнеперсидскими конструкциями (о которых см. выше).

Между тем в современных армянских языках, где форма на *-eal* развила уже далее грамматикализованные значения (в восточноармянском — собственно перфектное [Козинцева 1983], в западноармянском — эвиденциальное [Donabédian 1996]), мы уже нигде не находим следов такого распределения посессивной и аккумулятивной конструкции.

Сходство с европейскими системами довершает то, что в восточноармянском развился также новый результатив (в западноармянском, где выше раз-

биравшаяся конструкция перешла в эвиденциальную сферу значений, этот результатив уже приобрел и перфектные функции). Процесс образования нового результата, что характерно, протекал параллельно с унификацией «диатезного типа» старого перфекта: «В XII веке форма на *-ats* (первоначально отглагольное существительное. — *Д. С.*) от интранзитивных и пассивных глаголов начинает функционировать как перфектно-результативное причастие и в соединении с *em* выступает как сказуемое. В это же время перфект на *-eal > -el* становится только активным, так как появляется пассивная форма на *-v-el*» [Козинцева 1983: 215].

4. Типологическая импликация

Процесс обобщения конструкции перфекта произошел в хронологически и ареально независимых языках (романских южной Европы, германских северной Европы, армянском) и носит типологический характер. Похоже, что этот процесс носит характер дополнительного семантического закрепления и «кристаллизации» перфекта, «вызревания» (*maturation*) по [Dahl 2004]. На это указывает тот факт, что и в германских, и в романских языках обобщение вспомогательного глагола сопровождается оформлением оппозиции «перфект/результатив», а в романских языках с ним коррелирует еще и утрата согласования у причастной формы в перфекте [Squartini, Bertinetto 2000: 428] — несущая в том числе и эту же функцию (ср. испанские примеры вроде *Tengo una carta escrita*). Перфект, не прошедший такого закрепления, относительно быстро переходит — сохраняя свои результативные по происхождению формы — в простое прошедшее.

Подчеркнем специально: речь не идет о том, что всякое обобщение аналитической конструкции перфектного происхождения является следствием сохранения ею собственно перфектного значения. Это не так, и в трех европейских по происхождению языках, употребительных вне Европы, мы видим обобщение конструкции с глаголом ‘иметь’, причем какого-либо значения, отличного от значения простого прошедшего, не сохраняется. Это американский вариант идиш [Abraham 2004], африкаанс [Там же] и некоторые варианты французского в Канаде [Sankoff, Thibault 1977]. Всюду можно предполагать контактное влияние, в данном случае английского языка. То же можно сказать и о «романском острове» в составе балканского языкового союза — в румынском языке обобщен один глагол в (бывшем) перфекте, но другой в нелитературном аналитическом плюсквамперфекте и предбудущем [Marin 1985; Tuttle 1986: 229—230]; впрочем, в арумынском и мегленском у непереходных глаголов сохраняется глагол ‘быть’, что правильно квалифицировано в [Tuttle 1986: 230] как продолжение старого романского состояния.

Речь идет об обратном направлении следствия: форма перфекта, воплощаемая двумя альтернативными конструкциями посессивного и бытийного типа, для того, чтобы сохранить перфектное значение, должна формально унифицировать эти конструкции — иначе она очень быстро «проскакивает» в претеритное значение, либо же утрачивается (так, по-видимому, обстояло дело в японском). Такая унификация оказывается для перфекта как грамматического значения (в отличие от результата и простого прошедшего) «вопросом жизни и смерти» в глагольной системе.

Таким образом, исследованный нами материал демонстрирует *импликацию*, которую можно сформулировать так:

«Если в глагольной системе перфект, имеющий две формы, распределенные по лексико-семантическим признакам диатезного типа, сохраняет перфектное значение, а не переходит в претерит и не утрачивается, то эти две формы унифицируются».

Соответствующие логические возможности выглядят следующим образом:

	Перфект сохраняется	Перфект переходит в простое прошедшее (или утрачивается)
Форма обобщается	(1) Древние и.-е. языки: армянский <u>Европа, генетически-ареальная зона 1</u> : испанский, каталанский, португальский, южные итальянские диалекты <u>Европа, генетически-ареальная зона 2</u> : английский, норвежский, шведский, датский [в процессе обобщения]	(2) Идиш в Америке, французский в Канаде, африкаанс (английское влияние) Румынский (балканское ареальное влияние); NB разные вспомогательные глаголы в перфекте, с одной стороны, и плюсквамперфекте/предбудущем, с другой
Форма не обобщается	(3) Европа: нидерландский [видимо, в процессе утраты различия перфект/претерит]	(4) Европа: французский, итальянский, немецкий (включая особо южные диалекты), ретороманский, идиш Древние и.-е. языки: латинский, древнеперсидский Вне Европы: аккадский, арабский, авадхи (индоар.), старояпонский

Кажущийся контрпример против этой импликации — нидерландский язык — относится к классу случаев (3); он разобран выше, и показано, что он допускает истолкование, сближающее его с классом случаев (4) (если и прямо сам не относится к этому классу).

Заметим, что и класс случаев (2), не являющийся формально контрпримером к выше высказанному положению, везде связан так или иначе с аре-

альным влиянием. В связи с этим можно предположить, что данная импликация по характеру своему близка к эквивалентному соотношению (то есть собственно внутриязыковым двигателем процесса унификации перфектной конструкции является долгое сохранение ею перфектной семантики).

5. Объяснение явления

Рассмотренный материал показывает, что в языках, где перфект сохранил свою семантику, отличную от перфективного прошедшего и результата, синонимия в этой семантической области обычно ликвидируется до такой степени, что даже компромиссный вариант — две конструкции распределены дополнительно и предстают, в структуралистском понимании, как алломорфы одного и того же показателя перфекта — оказывается неприемлем: происходит унификация вспомогательного глагола.

Единственная известная нам попытка объяснить это явление (на материале английского языка) предпринята Ллойдом Б. Андерсоном [Anderson 1982: 249]; отметив, что в целом ряде языков отличаются объектный и субъектный результаты и это различие часто переходит и на перфектную стадию, Андерсон говорит: «В английском языке, где перфект не заменил претерит, *have*-перфект сдвинулся в противоположном направлении, вытеснив *be*-перфект. Можно заключить, что одна перфектная категория не может одновременно включать все три типа [значений] („текущая релевантность“, изменение состояния субъекта и перфективное предшествование), но может связывать лишь любые два из них. По крайней мере, это гипотеза, которую в будущем следует проверить. Различие между *быть*- и *иметь*-перфектами может быть достаточно устойчивым; так что в действительности, возможно, это две категории, а не одна». Наш материал в общем подтверждает данную тенденцию, но с трактовкой ее Андерсоном нельзя полностью согласиться. Как известно, перфект, превращающийся в претерит, отнюдь не всегда различает диатезные типы: так обстоит дело, например, в западно- и восточнославянских языках, венгерском, суахили; таким образом, одна и та же форма выступает здесь и в значении текущей релевантности, и в значении перфективного предшествования, и с глаголами изменения состояния. Кроме того, анализ Андерсона не учитывает того факта, что противопоставление диатезных типов вообще на собственно перфектной стадии оказывается нестабильным; как правило, в системах такого рода подобные формы или одна из них носят еще результативный характер.

Кажется более перспективным следующее объяснение. Характерной чертой перфекта на шкале диахронической эволюции является нестабиль-

ность и размытость его «границ»; он далеко не всегда достаточно четко отграничен семантически как от своих «предшественников» — результата и комплетива, так и от своих «преемников» — претерита и эвиденциального показателя. Согласно Й. Линдстедту, собственно перфект — то есть форма, передающая прагматическую «текущую релевантность», — это «не только функция, но и точка пересечения» путей грамматикализации; им предложена следующая смелая метафора: «каждый конкретный перфектный показатель лишь проходит эту точку пересечения: или же „хвост“ его еще торчит в результате, или же „голова“ уже касается новых аспектуальных, временных или эвиденциальных значений» (*still having its tail in resultative, or pushing its head towards new aspectual, temporal or evidential meanings*) [Lindstedt 2000: 379].

Такая «неустойчивость», в свою очередь, объясняется спецификой базового значения перфекта, связанного не с объективным вещественным значением (как результатив), не с объективной временной локализацией (как простое прошедшее), не с характеристиками ситуации (как аспектуальные показатели), а с предельно субъективной, определяемой условиями речевого акта прагматической «релевантностью» выражаемой ситуации. Данное употребление требует специфического, однозначного сигнала. Кроме того, противопоставление между несколькими синонимичными формами в одной системе само часто опирается на противопоставления неденотативного, прагматического или дискурсивного плана (ср. [Dahl 2004]) — а базовое значение перфекта само связано с прагматикой; соответственно, в отношении, близкие к синонимичным, он вступает скорее с другими элементами парадигмы — результативом и простым прошедшим.

Таким образом, перфект сильнее, чем иные семантические типы грамматических показателей, «нуждается» в унификации своего показателя и освобождении от дополнительно дифференцирующих семантических признаков. «Чем выше степень вспомогательного статуса глагола (*auxiliariness*), тем ниже его чувствительность к акциональным свойствам (то есть структурным свойствам ситуации определенного типа) управляемого им полнозначного глагола», сказано о пути грамматикализации «перфект \Rightarrow результатив» в [Abraham 1992: 14].

Можно сказать, используя «пространственно-экологическую метафору» из [Dahl 2004], что семантическая «ниша», занимаемая основным значением перфекта — значением «текущей релевантности» в настоящем некоторого события в прошлом, — «тесна» даже для одного грамматического показателя, который в ней не задерживается; тем реже в этой нише находится место одновременно для нескольких показателей.

Литература

- Бенвенист 1952/1974 — Э. Бенвенист. Пассивное оформление перфекта переходного глагола // *Общая лингвистика: Пер. с франц.* М., 1974. С. 192—202.
- Бенвенист 1960/1974 — Э. Бенвенист. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // *Общая лингвистика: Пер. с франц.* М., 1974. С. 203—224.
- Берков 1983 — В. П. Берков. Результатив, пассив и перфект в норвежском языке // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л., 1983. С. 197—204.
- Вольф 1988 — Е. М. Вольф. *История португальского языка*. М., 1988.
- Грамматика... 2000 — *Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля, написанная А. Арно и К. Лансло / Перев. Н. Ю. Бокадоровой*. М., 2000.
- Дуличенко 2005 — А. Д. Дуличенко. Кашубский язык // *Языки мира: Славянские языки*. М.: 2005. С. 383—404.
- Козинцева 1983 — Н. А. Козинцева. Результатив, пассив и перфект в армянском языке // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л., 1983. С. 204—216.
- Кузнецова 2005 — Ю. Л. Кузнецова. Дистрибутивная конструкция с предлогом *по* в русском языке // Н. Д. Арутюнова (ред.). *Логический анализ языка: Квантификативный аспект языка*. М., 2005. С. 616—637.
- Липеровский 1997 — В. П. Липеровский. *Очерк грамматики современного авадхи*. М., 1997.
- Локштанова 1996 — Л. М. Локштанова. Парадигматические потенции и вариативность элементов глагольных систем (на материале датского языка) // Н. Н. Семенов (ред.). *Вариативность в германских языках (функциональные аспекты)*. М., 1996. С. 45—56.
- Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л., 1983. С. 41—54.
- Недялков (ред.) 1983 — В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л., 1983.
- Недялков 1981 — В. П. Недялков. Типология деривации результативов // *Проблемы дериватологии*. Вып. 2. Пермь, 1981. С. 161—164.
- Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (ред.). *Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект)*. Л., 1983. С. 5—41.
- Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. Петрухин, Д. В. Сичинава. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // *Вереница литер: Сб. в честь В. М. Живова*. М., 2006. С. 193—214.
- Стеблин-Каменский 1953 — М. И. Стеблин-Каменский. *История скандинавских языков*. М.; Л., 1953.
- Сухачев, Горенко 2001 — Н. Л. Сухачев, Г. М. Горенко. Ретороманский язык // *Языки мира: Романские языки*. М., 2001. С. 335—364.
- Холодович 1937 — А. А. Холодович. Синтаксис японского военного языка (язык военной документации). М., 1937.

- Холодович 1979 — *А. А. Холодович*. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.
- Храковский 1983 — *В. С. Храковский*. Результатив и пассив в арабском языке // *В. П. Недялков* (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л., 1983. С. 166—172.
- Чернин, Хакина 2000 — *В. Ю. Чернин, Е. И. Хакина*. Идиш язык // *Языки мира: Германские языки. Кельтские языки*. М., 2000. С. 150—170.
- Эдельман 2002 — *Д. И. Эдельман*. Иранские и славянские языки: Исторические отношения. М., 2002.
- Юшманов 1928/1985 — *Н. В. Юшманов*. Грамматика литературного арабского языка. М., 1985 (1-е изд. Л., 1928).
- Abeillé, Godard 2002 — *A. Abeillé, D. Godard*. The syntactic structure of French auxiliaries // *Language*. 78. 3. 2002. P. 404—452.
- Abraham 1992 — *W. Abraham*. Event structure accounting for the emerging periphrastic tenses and the passive voice in German // *G. W. Davis, G. K. Iverson* (eds.). *Explanation in Historical Linguistics*. Amsterdam, 1992. P. 1—16.
- Abraham 1999 — *W. Abraham*. Preterite decay as a European areal phenomenon // *Folia linguistica*. XXXIII/1. 1999. P. 1—18.
- Abraham 2004 — *W. Abraham*. The European Emergence of the Periphrastic Perfect: An Autonomous, Parsing-Driven Development // *Теоретические проблемы языкознания: Сб. ст. к 140-летию кафедры общего языкознания филол. фак-та С.-Петербургского гос. ун-та*. СПб., 2004. С. 224—247.
- Allan et al. 1995 — *R. Allan, P. Holmes, T. Lundskaer-Nielsen*. *Danish: A Comprehensive Grammar*. London; N. Y., 1995.
- Anderson 1982 — *L. Anderson*. The 'perfect' as a universal and as a language-specific category // *P. Hopper* (ed.). *Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics*. Amsterdam, 1982. P. 227—264.
- Aranovich 2003 — *R. Aranovich*. The semantics of auxiliary selection in Old Spanish // *Studies in Language*. 27:1. 2003. P. 1—37.
- Bentley, Eythorsson 1999 — *D. Bentley, Th. Eythorsson*. Alternation according to Person in Italo-Romance // *Historical Linguistics 1999: Selected papers from the 14th International Conference on Historical Linguistics, Vancouver, 9—13 August 1999*. Amsterdam, 1999. P. 63—74.
- Bentley, Eythorsson 2004 — *D. Bentley, Th. Eythorsson*. Auxiliary Selection and the Semantics of Unaccusativity // *Lingua*. 114. 4. Apr. 2004. P. 447—471.
- Bergeton 2004 — *U. Bergeton*. The Independence of Binding and Intensification: PhD Thesis / Univ. of South California, 2004 (www-scf.usc.edu/~bergeton/dissertation.htm).
- Burzio 1981 — *L. Burzio*. *Intransitive Verbs and Italian Auxiliaries*. Dissertation: MIT. 1981.
- Burzio 1986 — *L. Burzio*. *Italian Syntax: a Government-Binding Approach*. Dordrecht, 1986.
- Bybee et al. 1994 — *J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca*. *The Evolution of Grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world*. Chicago; London, 1994.
- Carey 1994 — *K. Carey*. The Grammaticalization of the Perfect in Old English: An Account Based on Pragmatics and Metaphor // *W. Pagliuca* (ed.). *Perspectives on Grammaticalization*. Amsterdam, 1994. P. 103—117.

- Cennamo 2002 — *M. Cennamo*. La selezione degli ausiliari perfettivi in napoletano antico: fenomeno sintattico o sintattico-semantico? // *Archivio Glottologico Italiano*. 87. 2. 2002. P. 175—222.
- Dahl (ed.) 2000 — *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, N. Y., 2000.
- Dahl 2000 — *Ö. Dahl*. The Tense-Aspect systems of European languages in a typological perspective // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin; N. Y., 2000. P. 3—25.
- Dahl 2004 — *Ö. Dahl*. *The Growth and Maintenance of Linguistic Complexity*. Amsterdam, 2004.
- Diedrichsen 2002 — *E. Diedrichsen*. Zu einer semantischen Klassifikation der intransitiven haben- und sein-Verben im Deutschen. Ms. Univ. Düsseldorf, 2002 (<http://www.phil-fak.uni-duesseldorf.de/sfb282/D3/Diedrichsen%20Perfekt.pdf>).
- Donabédian 1996 — *A. Donabédian*. Pour une interprétation des différentes valeurs du médiatif en arménien occidental // *Z. Guentchéva* (ed.). *L'Énonciation Médiatisée*. Louvain; Paris, 1996. P. 87—108.
- Dowty 1991 — *D. Dowty*. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. 67. 1991. P. 547—619.
- Embick 2000 — *D. Embick*. Features, Syntax and Categories in the Latin Perfect // *Linguistic Inquiry*. 31. 2. 2000. P. 185—230.
- Giorgi, Pianesi 1997 — *A. Giorgi, F. Pianesi*. *Tense and Aspect*. N. Y., 1997.
- Gold 1998 — *E. Gold*. Structural Differences: The Yiddish Pluperfect and Future Perfect // *Monatshefte für deutschsprachige Literatur und Kultur*. 90. 2. 1998. P. 227—236.
- Harris 1982 — *M. Harris*. The 'past simple' and the 'present perfect' in Romance // *N. Vincent, M. Harris* (eds.). *Studies in the Romance Verb*. London; Canberra, 1982. P. 42—70.
- Helbig, Buscha 1977 — *G. Helbig, J. Buscha*. *Deutsche Grammatik*. Leipzig, 1977.
- Hewson, Bubenik 1997 — *J. Hewson, V. Bubenik*. *Tense and Aspect in Indo-European Languages: Theory, Typology, Diachrony*. Amsterdam; Philadelphia, 1997.
- Hoekstra 1998 — *T. Hoekstra*. Auxiliary selection in Dutch // *Natural Language and Linguistic Theory*. 17. 1998. P. 67—89.
- de Hoop et al. 2004 — *H. de Hoop, M. Haverkort, M. van den Noort*. Variation in form versus variation in meaning // *Lingua*. 114. 2004. P. 1071—1089.
- van Hout et al. 1993 — *A. van Hout, J. Randall, J. Weissenborn*. Acquiring the unergative-unaccusative distinction // *M. Verrips, F. Wijnen* (eds.). *The acquisition of Dutch* (Publikatie nummer 60). Instituut voor Algemene Taalwetenschap, Univ. van Amsterdam. 1993. P. 79—120.
- Keller, Sorace 2003 — *F. Keller, A. Sorace*. Gradient auxiliary selection and impersonal passivization in German: an experimental investigation // *Journal of Linguistics*. 39. 2003. P. 57—108.
- Kuno, Takami 2004 — *S. Kuno, K. Takami*. *Functional constraints in grammar: On the unergative — unaccusative distinction*. Amsterdam, 2004.
- Kuznetsova 2005 — *J. Kuznetsova*. Against the Russian distributive construction with preposition *po* as a diagnostic for unaccusativity // *M. Tasseva-Kurktchieva, S. Franks, F. Gladny* (eds.). *Formal Approaches to Slavic Linguistics*. 13. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2005. P. 170—180.

- Kytö 1994 — *M. Kytö*. *Be vs. Have with intransitives in English* // *F. Fernández et al.* (eds.). *English Historical Linguistics 1992. Papers from the 7th international conference on English historical linguistics*. Valencia, 22—26 September 1992. Amsterdam, 1994. P. 179—190.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 — *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. *Unaccusativity: At the syntax-lexical semantics interface*. Cambridge, 1995.
- Lieber, Baayen 1997 — *R. Lieber, H. Baayen*. *A semantic principle of auxiliary selection in Dutch* // *Natural Language and Linguistic Theory*. 15. 1997. P. 789—945.
- Lindstedt 2000 — *J. Lindstedt*. *The perfect — aspectual, temporal and evidential* // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, N. Y., 2000. P. 365—384.
- Lipson 1999 — *M. Lipson*. *Co-variation of of Form and Meaning in the Loss of Auxiliary Selection in English* // *R. Eckardt, K. von Heusinger* (eds.). *Meaning Change — Meaning Variation*. Workshop held at Konstanz. Feb. 1999. Vol. I. P. 111—122.
- Lorentz 1925 — *F. Lorentz*. *Geschichte der pomoranischen (kaschubischen) Sprache*. Berlin; Leipzig, 1925.
- Lyonnet 1933 — *S. Lyonnet*. *Le parfait en arménien classique*. Paris, 1933.
- Malinowski 1984 — *A. Malinowski*. *Distribution and function of the auxiliaries tener and aver in Judeo-Spanish* // *Orbis*. 33. 1984. P. 211—221.
- Marin 1985 — *M. Marin*. *Formes verbales périphrastiques de l'indicatif dans les parlers dacoroumains* // *Revue roumaine de la linguistique*. 30. 1985. P. 459—468.
- Perlmutter 1978 — *P. Perlmutter*. *Impersonal passives and the unaccusative hypothesis* // *Proceedings of the Fourth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, 1978. P. 212—234.
- Sankoff, Thibault 1977 — *G. Sankoff, P. Thibault*. *L'alternance entre les auxiliaires avoir et être en français parlé à Montréal* // *Langue française*. 34. 1977. P. 81—108.
- Sorace 2000 — *A. Sorace*. *Gradients in Auxiliary Selection with Intransitive Verbs* // *Language*. 76. 2000. P. 859—890.
- Squartini 1999 — *M. Squartini*. *On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance* // *Linguistic Typology*. 3. 1999. P. 51—89.
- Squartini, Bertinetto 2000 — *M. Squartini, P. M. Bertinetto*. *The Simple and Compound Past in Romance languages* // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, N. Y., 2000. P. 403—440.
- Stone 1993 — *G. Stone*. *Cassubian* // *B. Comrie, G. G. Corbett* (eds.). *The Slavonic Languages*. London; N. Y., 1993. P. 759—794.
- de Swart, Molendijk (to appear) — *H. de Swart, A. Molendijk*. *In pursuit of the 'perfect' perfect* // *P. Caudal* (ed.). *Cahiers Chronos — volume sur le temps et l'aspect*. Amsterdam: Rodopi, to appear.
- Talmy 2000 — *L. Talmy*. *Toward a Cognitive Semantics*. Vol. 1—2. Cambridge (Mass.), 2000.
- Tommola 2000 — *H. Tommola*. *On the perfect in North Slavic* // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the languages of Europe*. Berlin, N. Y., 2000. P. 441—478.
- Thieroff 2000 — *R. Thieroff*. *On the areal distribution of the tense-aspect categories in Europe* // *Ö. Dahl* (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, N. Y., 2000. P. 265—308.
- Traugott 1972 — *E. C. Traugott*. *A history of English syntax*. N. Y., 1972.

-
- Tuttle 1986 — *E. Tuttle*. The spread of ESSE as universal auxiliary in Central Italo-Romance // *Medioevo Romanzo*. 11. 1986. P. 229—287.
- Van Valin 1990 — *R. Van Valin*. Semantic parameters of split intransitivity // *Language*. 66. 1990. P. 221—260.
- Vincent 1982 — *N. Vincent*. The Development of the Auxiliaries HABERE and ESSE in Romance // *Studies in the Romance Verb. Essays J. Cremona*. London; Canberra, 1982. P. 71—96.
- Washio 2004 — *R. Washio*. Auxiliary Selection in the East // *Journal of East Asian Linguistics*. 13. 2004. P. 197—256.
- Zaenen 1993 — *A. Zaenen*. Unaccusativity in Dutch: Integrating syntax and lexical semantics // *J. Pustejovsky* (ed.). *Semantics and the Lexicon*. Dordrecht, 1993. P. 129—161.